

Глядя на себя в зеркало, мне хотелось плакать.

Зеркала дома есть, конечно, но они старые, изношенные, по краям видны следы ржавчины. Отраженное изображение всегда немного искажено.

Смотреть на себя в красивое зеркало было совершенно другим опытом. Теперь, когда я была чиста, на самом деле не было никаких оправданий. Нет оправдания моим непрозрачным тусклым волосам. Нет оправдания красному сиянию на лбу, скулах и кончике носа после длительного пребывания на солнце. Нет оправдания моей сухой коже. Никаких оправданий моему впавшему лицу и одежде, свисающей с плеч, когда она должна была быть моего размера.

Эмили была профессионалом. Она ничего не сказала и не изменила выражение лица, когда увидела, как мои ребра выступают из моей кожи. Я и пальцем не пошевелила, чтобы помочь ей, и ей удалось вымыть меня и надеть красивую юбку с черным покрытием, чуть выше моих колен, и белую рубашку с пышными рукавами и черной лентой, перевязанной вокруг воротника. Она даже приколотла милые украшения для волос; серебряные заколки с прикрепленным на них жемчугом; на левой стороне моих волос после расчесывания.

Несмотря на всю заботу обо мне, не было никакого способа скрыть тот факт, который прыгнул первым, увидев мое отражение. Я была уродлива. Нет, я не была уродлива, но я действительно чувствовала себя уродливой. Каждый маленький аспект меня кричал о пренебрежении. Это даже не была моя вина, но мне от этого не стало легче.

Эмили ушла некоторое время назад в поисках кремов и лосьонов для моей сухой кожи, но, честно говоря, это была пустая трата времени. Мне пришлось сопротивляться искушению, рычать, просто думая о ее заботливом поведении. Какая разница, как я выгляжу? Зачем тратить на меня кремы? Я все равно умру. Она это знает. Охранники это знают. Молодые мастера это знают. Все это знают. Смысл в том, чтобы привести меня сюда, был не для исправления меня, а для того, чтобы дать мне несколько дней покоя и роскоши перед неизбежным концом.

Все это было так... разочаровывающе. В тот момент я была одна в спальне, но мне не нужно было смотреть, чтобы знать, что один из охранников, оставленных Лукасом, стоял у моей двери. Другой стоял снаружи, чуть ниже моего балкона, я увидела его, когда открыл дверь, чтобы впустить немного свежего ночного воздуха.

В этот самый момент убежать было невозможно, и, честно говоря, я так устала после целого дня эмоционального стресса, что единственное, что я хотела сделать, это плюхнуться на кровать и проспать все свои заботы. Мне помешали слова Лукаса об ужине. Я голодала и не прочь съесть что-нибудь, прежде чем упаду в обморок.

Мой взгляд автоматически упал на часы на одной из прикроватных тумб. Час ночи. Было поздно. Когда Эмили пошла, искать кремы, было еще полдвенадцатого. Если вы спросите меня, полчаса - это слишком много времени. Но это не имело значения. Я хотела только что-нибудь поесть и отвлечь меня от отражения в зеркале, которое разрывало меня внутри.

Как раз вовремя раздался стук.

«Войдите», - сказала я, все еще глядя на свое отражение, обнаруживая все больше и больше недостатков, когда я сканировала себя. Затем воздух наполнился восхитительным ароматом. Я повернулась и посмотрела на Лукаса, держащего поднос с блюдом, кувшином, стаканом и хлебом. Признаюсь, я была удивлена, увидев, что он нес еду вместо одного из слуг.

Он тоже был удивлен, но, вероятно, по другой причине. Его глаза изучали меня с головы до пят, и я не могла не ерзать под его пристальным вниманием. В отличие от Эмили, я видела эмоции в его глазах. Ужас, сожаление и, что еще хуже, жалость.

"Что на обед?" - беспечно спросила я, пытаюсь отвлечь его внимание. Лукас был умным мальчиком. Он смущенно моргнул, затем покачал головой и подошел ко мне.

«Я не знал, что вам нравится, поэтому попросил шеф-повара приготовить что-нибудь простое, но питательное. Это лосось на гриле с гарниром из спаржи и помидоров черри. Еще есть хлеб и... вода. Извини, если тебе нужен сок, но раз уж ты ... ну, вода будет ...

«Вода в порядке». Давненько у меня не было целого кувшина с водой. В тот момент это звучало намного аппетитнее, чем сок или любой другой напиток, поэтому Лукас был прав. Я села на небольшой диванчик напротив косметического зеркала, а Лукас оставил поднос передо мной. Я на мгновение закрыла глаза и вдохнула небесный аромат лосося, а затем открыла их и посмотрела на Лукаса.

Я быстро схватила вилку и нож и отрезала кусок. Мне было странно стыдно, что он увидел меня такой.

Вкус взорвался у меня во рту, и я буквально застонала от восторга. Боже, сколько времени прошло с тех пор, как я по-настоящему поела? Жареный картофель и любые дикие животные, которых смог поймать отец, обычно были нашим обедом дома, и только если нам повезло. В противном случае мы просто ели фрукты и грибы, а иногда даже заросшую растительность вокруг фермы. Воду было трудно достать, поэтому большинство деревьев со съедобными плодами были больны, а мелким животным не на что было жить в нашей оскверненной местности. Не будем даже говорить о рыбах. С рекой в таком состоянии, ничто не могло там жить.

Кроме того, я впервые в жизни ела лосося. Я забыла, насколько это хорошо. Он не был родным для нашего региона и поэтому стоил невероятно дорого, конечно, простые фермеры, такие как мы, не могли платить за него. Кто бы мог подумать что, они дадут что-то подобное простому заключенному вроде меня.

Прежде чем я успела это остановить, по моим щекам покатились слезы, но я продолжала, есть, не обращая на них внимания. Лукас, с другой стороны, не собирался отказываться от этого.

"Что не так? Почему ты плачешь?" - спросил он с явным беспокойством и в голосе, и в лице. Я бы фыркнула, увидев это шоу фальшивого сочувствия, но я была не в настроении делать это. Во всяком случае, во время еды.

Так что я сказал ему правду. «Я никогда в жизни не ела лосося».

«О, - сказал он, явно не в силах подобрать слова. Я продолжала молча есть и плакать. К тому времени меня уже не волновало, наблюдает он за мной или нет. В мою голову вторглись другие мысли, темные мысли, которые заставляли меня плакать еще сильнее, пока мне не пришлось оставить еду на тарелке, чтобы закрыть лицо руками. Почему я так внезапно почувствовала это? Это была просто рыба!

«Мы...» - мой голос стал хриплым, и я откашлялась. «Мы ничего не ели почти год назад. Ничего подобного. В то время, когда река была в порядке, а урожай был здоровым, мы могли без проблем есть то, что производили, и покупать то, что было нелегко. Но потом ... пришла буря, которая не только уничтожила посеы и наш сарай, но и убила коров и овец ... она не

оставила нам ничего другого. И налоги надо было платить, и мы остались без ничего... »

Что я делала? Зачем я ему все это рассказывала? Я уверена, что его это вообще не заботило. В конце концов, что это было для него? Он прожил хорошую жизнь, ни в чем, не нуждаясь, когда дело касалось материальных вещей. Я была жертвой, и я была здесь только в этот момент с красивой одеждой, красивой спальней и хорошей едой из-за его жалости ко мне. Чтобы уменьшить вину в его сердце.

В конце концов, он собирался пожертвовать мной, несмотря на все те хорошие дела, которые он делал для меня. Если это так, зачем вообще обо мне заботиться?

И все же слова не могли перестать течь.

Я медленно подняла голову, слабые рыдания все еще вырывались из моего рта, но не смотрела в его сторону. Я чувствовала, что он стоит рядом со мной, совершенно неподвижный, и с моих потрескавшихся губ сорвался пустой смех.

«Я думаю, это не имеет значения. Когда меня нет, моя семья, по крайней мере, должна меньше беспокоиться. Мой младший брат может, есть мои порции еды. Мама и папа передадут их ему. Ему всего шесть лет, понимаете? Если он не ест должным образом, это повлияет на его рост».

«Элейн...»

Что бы он ни собирался сказать, его прервал звук открывающейся двери. Через секунду Лукас встал передо мной, скрывая меня от глаз. Я была сбита с толку, пока не услышал голос вошедшего человека.

«Я вижу, ей стало комфортно».

«У нее есть, старший брат».

Ах, Матиас наконец-то здесь. Собирался ли он сказать, что его отец отказал в его просьбе, и я должна вернуться в камеру? Если так, по крайней мере, позволь мне доесть лосося.

Когда я повернула голову, я могла видеть только спину Лукаса, закрывающую мне обзор входной двери и, следовательно, Матиаса. Потом, взглянув вниз, я увидела, что его правая рука незаметно повернута в мою сторону, а там платок.

Ах да, я бы не хотела, чтобы Матиас увидел мое плачущее лицо. Я взяла платок и быстро промокнула щеки. Только после того, как я вернула его ему, Лукас ушел с дороги.

Матиас осмотрел меня с ног до головы, как и его брат, когда он вошел, но, в отличие от него, его лицо ничего не показало. По какой-то причине это заставило меня чувствовать себя более неудобно, чем очевидная жалость Лукаса.

Однако он не обратил на меня особого внимания, сразу же оглянувшись на своего брата.

«Отец согласился».

Мой рот приоткрылся от удивления. Я даже почувствовала удивление, исходящее от Лукаса. А потом азарт.

«Большое тебе спасибо, Матиас!» - воскликнул он, фактически побежав к брату, чтобы крепко

его обнять. Матиас не выглядел обеспокоенным, вместо этого обнял его и нежно похлопал по голове.

«Но условия очевидны. Она будет здесь днем и ночью, с одним охранником за дверью и еще одним под балконом. Она не может выйти из комнаты, если ее не сопровождает кто-то из нас, и... - он отступил на шаг, освобождаясь от объятий Лукаса, и поднял голову, чтобы посмотреть на меня. Его глаза были серьезными, но не угрожающими. Несмотря на это, я все еще чувствовала, как по спине пробегает холодок. «Если ей удастся каким-то образом сбежать, вина будет только на тебе, Лукас, и тебе придется за это заплатить», - он снова посмотрел на младшего брата, и выражение его лица смягчилось. «Извини, я не смог убедить отца в обратном».

«Это не имеет значения. Это я в первую очередь хотел вывести ее из камеры. Я возьму на себя ответственность, так что не волнуйтесь!»

Несмотря на его яркие слова, я могла уловить легкую дрожь в голосе Лукаса. Матиас вздохнул, нежно взъерошив волосы, несмотря на протесты младшего мальчика, а затем снова посмотрел на меня.

Пожалуйста, перестань это делать, каждый раз, когда он это делает, я чувствую, что у меня отнимают годы.

«Мне очень жаль, что я не представился раньше. Меня зовут Матиас де ла Роса, я первый сын виконта де ла Роса. Ты?»

«Элейн. Просто... Элейн, - сказала я, ошеломленная его новым вежливым поведением.

Он кивнул, положил руку Лукасу на плечо и вывел его из комнаты, несмотря на протесты мальчика. Незадолго до того, как закрыть дверь, он посмотрел на меня в последний раз и произнес все еще робким и вежливым голосом, который использовал раньше; «Добро пожаловать в наше скромное поместье, и я надеюсь, что вам здесь понравится ... уважаемая гостья».

И с этими словами он закрыл дверь, оставив меня совершенно одну.

<http://tl.rulate.ru/book/40404/904287>